

ГРАФЕНОВЫЙ МЕРИДИАН

МАКСИМ ОРЛОВ

Максим Орлов

Графеновый меридиан

<https://litres.ru/74377053>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где человечество срослось в корпорацию Объединённого Звёздного Логистического Консорциума, любую угрозу привычно пересчитывают в кредиты. Когда миграционный рой Квиббов — миллиарды голодных существ, движимых лишь памятью о погасшей звезде, — начинает сметать торговые пути, Консорциум отправляет на, по сути, верную гибель старый фрегат «Целомудрие». На борт ставят экипаж из тех, кого не жалко: угрюмого капитана, штурмана, который в моменты паники считает пуговицы, механика с самодельным крюком вместо руки и техника, мечтавшего о героических битвах.

На носу корабля прикручен списанный артефакт Предтеч — Графеновый цилиндр Игнат. Он не оружие. Он — точка. Факт, который невозможно оспорить.

По мере того, как экипаж осознаёт, что единственный способ выжить — перестать быть ветром и стать камнем, разворачивается самая необычная битва в истории человечества. Это роман о том, что настоящая сила — не в умении убивать, а в способности просто быть

Содержание

Пролог. Стоимость квитанции	4
Глава 1. Тринадцать тонн на кубический сантиметр	15
Глава 2. Девушка, которая предложила сдать ся	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Максим Орлов

Графеновый меридиан

Пролог. Стоимость квитанции

Зал заседаний совета директоров Объединённого Звёздного Логистического Консорциума располагался на сорок втором уровне орбитальной станции «Франкфурт-на-Майне-2».

Из панорамных окон открывался вид на бесконечный поток грузовых контейнеров, ползущих по магнитным рельсам к стыковочным шлюзам, — словно муравьи, тащащие крошки в муравейник, который давно перерос размеры планеты. Контейнеры были разные: стандартные двадцатифутовые с маркировкой аграрных колоний, длинные сорокафутовые — с химикатами с Фронтира, и редкие рефрижераторы, покрытые инеем, — с мясом с Новой Рязани. Каждый, проползая через сканер, оставлял в системе запись, которая через секунду превращалась в цифру на одном из двенадцати голографических дисплеев, висевших над столом из искусственного мрамора.

Адмирал Густав Шницельман смотрел на этот поток и думал о том, что каждый контейнер приносит Консорциуму примерно четырнадцать тысяч кредитов чистой прибыли,

а потеря одного ретранслятора гиперсвязи обходится в два миллиарда кредитов в сутки.

Если он сейчас не убедит этих людей в пиджаках, что сто сорок миллионов — разумная цена за сохранение торгового маршрута, то через неделю убытки превысят годовой бюджет всего Третьего флота. И тогда ему придётся объяснять, почему он не смог предотвратить катастрофу — хотя предотвратить её было невозможно. Квиббов нельзя остановить: их можно лишь отпугнуть. А отпугивать нечем, если не считать экспериментального зонда, который уже восемь лет гниёт на складе в доке «Гамбург-7».

Директор по оптимизации активов — человек с идеально наманикюренными ногтями и глазами, в которых не было ничего, кроме цифр, — повторил для протокола, что Шницельман предлагает отправить фрегат класса «Аскет» в сектор Гамма-9. Вероятность потери судна там составляет девяносто четыре процента, стоимость актива — сто сорок миллионов. Он попросил объяснить экономическую целесообразность этой накладной.

Он говорил ровным, бесстрастным голосом — так говорят люди, которые давно разучились злиться и научились лишь считать.

Шницельман подумал, что этот человек, наверное, никогда не видел Квиббов вживую. Никогда не стоял на мостике, наблюдая, как серая масса заслоняет звёзды. Никогда не чувствовал запаха фермента, разъедающего титановую обшив-

ку, — он шипел тихо, почти уютно, словно яичница на сковороде.

Густав Шницельман подавил желание потереть переносицу. В присутствии совета директоров он не позволял себе жестов, которые могли быть истолкованы как слабость: в этой конторе слабость каралась быстрее, чем некомпетентность. А он не был некомпетентен — он просто устал.

Двадцать лет он служил флоту, и за эти годы флот из боевой силы превратился в логистическую службу, а адмиралы — из командиров — в менеджеров. И вот теперь он, Густав Шницельман, шестидесятилетний мужчина с тремя войнами за плечами — две из них были настоящими, а третья свелась к операционному урегулированию, — сидел в этом зале и объяснял людям, которые никогда не держали в руках бластер, почему ему нужен корабль, который едва держится на ходу.

— Если мы не обозначим присутствие в секторе, Квиббы сожрут оставшиеся ретрансляторы, — ответил он ровным голосом, каким обычно зачитывают некрологи на флотских похоронах.

Он продолжил:

— Остановка трафика на линии Гамма-9 — Дельта-12 парализует поставки зерна на три аграрные колонии. Голод начнётся через две недели, бунты — через три. Убытки от прекращения контрактов составят два миллиарда кредитов в сутки — и это без учёта штрафов за срыв поставок.

Он говорил, и цифры падали на стол, словно тяжёлые камни. Он знал: цифры — единственное, что эти люди понимают. Они не понимали ни людей, ни страха, ни голода — только цифры. И если он не даст им цифр, они не дадут ему корабль.

Директор по оптимизации задумчиво постучал пальцем по столешнице из искусственного мрамора. Стук был ровным, гипнотическим — словно тиканье часов перед взрывом.

— Сто сорок миллионов — это сдерживающий фактор?

— Сто сорок миллионов — это квитанция о нарушении границ, — отрезал Шницельман. — У нас на складе в доке «Гамбург-7» гниёт списанный экспериментальный зонд Предтеч — КС-734-Бис. Графеновый цилиндр: масса — четыре тысячи тонн, длина — двенадцать метров. По классификации имущества он числится как неидентифицируемый мусор высокой плотности. Мы прикрепим его к носу фрегата и используем в качестве таранного модуля. Юридически это будет считаться установкой защитного обвеса — как бампер на грузовике.

В зале повисла пауза. Слышно было лишь гудение климатической установки да далёкий гул стыковочных магнитов.

Директор по юридическим рискам — женщина с седыми волосами, собранными в тугий пучок, — медленно произнесла:

— Зонд Предтеч... Вы понимаете, адмирал, что использование артефактов Предтеч в военных целях запрещено резолюцией Межзвёздного суда?

Она говорила тихо, но в её голосе сквозило что-то металлическое. Шницельман подумал, что она, наверное, никогда не видела Квиббов — зато видела сотни резолюций. И для неё эта резолюция была куда реальнее голода на трёх колониях.

— Резолюция запрещает использование оружия Предтеч, — парировал Шницельман. Он заранее подготовил этот ответ: знал, что его спросят, знал, что скажет, и знал, что совет примет его слова. Потому что им нужно было их принять — иначе они теряли два миллиарда кредитов в сутки.

— Зонд КС-734-Бис оружием не является. В его техническом паспорте, составленном, замечу, ещё до моего рождения, чёрным по белому написано: «Инструмент для настройки гравитационных полей». Мы не воюем. Мы настраиваем.

Директор по оптимизации переглянулся с директором по юридическим рискам. Та едва заметно кивнула. В этот миг Шницельман понял: он выиграл схватку. Но не потому, что был прав — а потому, что им было нужно, чтобы он оказался прав. Альтернатива — потеря двух миллиардов кредитов в сутки — была слишком велика: больше его премии, больше пенсии Дровосекова, больше жизней четырёхсот тысяч

человек на трёх колониях.

— Хорошо, — сказал директор по оптимизации. — Бампер. Настройка. Корабль должен называться «Целомудрие». Маркетинговый отдел провёл фокус-группу среди инвесторов аграрных планет, и это название вызывает у них ассоциации с надёжностью и чистотой намерений.

Шницельман сжал зубы. «Целомудрие»...

Он представил себе этот корабль — старое корыто, восемь лет ржавевшее в доке, с ободранной обшивкой и подвывающим левым двигателем, — и это название, звучавшее как издёвка, словно эпитафия на надгробии. Он подумал, что маркетологи, наверное, никогда не видели этого корабля. Иначе назвали бы его «Гроб» или «Последний вздох». Но они не видели. Они лишь провели фокус-группу, а фокус-группа сказала, что «Целомудрие» вызывает доверие. Значит, корабль будет называться «Целомудрие», и никто не станет спрашивать, почему судно, которое отправляют на верную гибель, носит имя, будто предназначенное для первого причастия.

— Принято, — произнёс он сдержанно.

— Ещё один вопрос. Капитан Дровосеков. Иван Сергеевич. Три дисциплинарных взыскания за рукоприкладство, два — за несанкционированное использование бортовых ресурсов и одно — за самогонный аппарат в машинном отделении. Почему именно он?

Шницельман позволил себе едва заметную усмешку. Этот

вопрос он тоже предвидел: досье Дровосекова было таким, что его невозможно читать без содрогания. И он знал, что у него спросят, почему он выбирает человека, который больше похож на пирата, чем на капитана флота ОЗЛК.

— Потому что восемь лет назад, когда у новейшего линейного крейсера «Архангел» выгорело ядро прямо посреди парада в честь Дня основания Консорциума, именно Дровосеков в одиночку вышел в открытый космос, вручную перебрал эмиттерную решётку и дотянул корабль до дока. Трибунал признал его виновным в нарушении протокола безопасности, разжаловал и отправил на Фронтир. С тех пор он чинит грузовые баржи и пьёт чёрный чай в таких количествах, что хватило бы, чтобы свалить лошадь. Он псих, социопат и хам. Зато он понимает железо на атомном уровне. И я гарантирую: он вернёт корабль целым.

Он говорил и знал, что говорит правду. Но знал и другое: он отправляет человека на смерть. Знал, что Дровосеков, скорее всего, не вернётся — ведь вероятность потери составляла девяносто четыре процента. Знал и то, что, если капитан не вернётся, он, Шницельман, лишится премии, но не лишится сна: он давно разучился терять сон из-за людей, которых отправлял на смерть. Наверное, именно это в их конторе и называли профессионализмом.

— Ваша премия при потере судна аннулируется, адмирал, — сухо заметил директор по оптимизации. — Заседание закрыто.

Шницельман встал и кивнул — не из уважения, а потому, что так полагалось. Выйдя из зала, он почувствовал, как плечи его опустились, будто с них сняли тяжесть, которую он нёс два часа. Он подумал, что ему нужно выпить, и знал, где это сделать: в этой конторе было лишь одно место, где можно было пить и не думать о конторе.

Он спустился на лифте до сорокового уровня и зашёл в портовый бар «Шлюз». Здесь пахло синтетическим пивом и разогретым пластиком, а за стойкой стоял робот-бармен — он не задавал вопросов и не смотрел на тебя так, словно ты был убыточным активом.

Дровосеков сидел в углу, сгорбившись над кружкой. Он выглядел так, будто его собрали из запчастей, оставшихся после разборки трёх разных людей: лицо — от одного, с глубокими морщинами вокруг рта и глазами, видевшими слишком многое; плечи — от другого, широкие, сгорбленные под тяжестью, которую невозможно снять; руки — от третьего, большие, с пальцами, знавшими железо лучше, чем собственных хозяев.

— Иван, — сказал Шницельман, садясь напротив.

Дровосеков поднял глаза. В них не было ни удивления, ни радости — лишь усталость человека, давно переставшего ждать от жизни чего-то хорошего. Шницельман подумал, что этот человек, наверное, не удивился бы, услышав, что отправляется на смерть: он давно знал, что это случится, и просто ждал.

— Густав. Ты постарел.

— Ты тоже не помолодел. Мне нужен капитан на одну накладную. Сектор Гамма-9. Квиббы.

— Нет.

Шницельман кивнул. Он ждал такого ответа: Дровосеков всегда говорил «нет» первым. Не потому, что не хотел, а потому, что хотел, чтобы его уговорили. Чтобы потом можно было сказать, что его заставили, — и не чувствовать вины за своё согласие.

— Сто сорок миллионов за корабль, который всё равно списан, и экипаж из таких же, как ты.

— Я сказал — нет.

Шницельман достал из кармана голографическую карточку и положил её на стол. На ней мерцала фотография ретранслятора, облепленного серыми телами Квиббов. Изображение было настолько чётким, что можно было разглядеть хитиновые пластины на спинах существ и кислотные железы, пульсирующие болезненно-зелёным светом. Шницельман подумал, что эта фотография — единственное, что способно заставить Дровосекова согласиться: капитан не верил в слова, он верил лишь в то, что можно потрогать. А эта картинка была осязаемой, словно удар в лицо.

— Три колонии, Иван. Четыреста тысяч человек. Если ретрансляторы сожрут, они останутся без связи, без навигации, без поставок. Через месяц там начнётся голод.

Дровосеков молча смотрел на карточку. Его пальцы так

крепко обхватили кружку, что костяшки побелели. Шницельман видел, что капитан думает, и знал, о чём. Он знал Дровосекова десять лет и понимал: тот не хочет умирать, но ещё меньше хочет жить с грузом мысли о том, что мог предотвратить голод — и не предотвратил, потому что сказал «нет».

— Сколько продлится накладная? — спросил он наконец.

— Две недели. Войдёшь в сектор, отпугнёшь курлыков, вернёшься.

— А если не вернусь?

— Тогда я потеряю премию, а ты — пенсию. Справедливо?

Дровосеков допил пиво, поставил кружку на стол и встал. Шницельман понял: решение принято. Капитан всегда решал быстро — как человек, привыкший выбирать в условиях, когда времени на раздумья нет, а любое решение плохое, но выбрать нужно хоть какое-то.

— Мне нужен нормальный чай, — сказал Дровосеков. — Не эта синтетика из автомата. Настоящий, листовой, чёрный. И термос. Армейский, с двойными стенками.

Шницельман кивнул. Он знал, что Дровосеков попросит чай: тот всегда просил чай, когда соглашался. Для него это был способ сказать «да», не произнося этого слова. Ведь сказать «да» — значит признать, что он согласился, взять на себя ответственность. А он не хотел ответственности. Хотел просто делать свою работу, пить горький чай, и чтобы его

оставили в покое.

— Будет, — ответил Шницельман.

Дровосеков вышел из бара, не попрощавшись. Шницельман остался сидеть, глядя на недопитую кружку. Он думал о том, что только что отправил на смерть человека, которого, когда-то считал другом. И о том, что в этой конторе давно не осталось места для дружбы — только для накладных, дебитов и кредитов. И всё в итоге сводилось к одному: к стоимости человеческой жизни, выраженной в кредитах.

Он допил своё пиво — синтетическое, на вкус словно вода с хмелем, — встал, оставил кредиты на столе и вышел из бара. И, шагая по коридору к лифту, думал о том, что через две недели либо получит премию, либо будет писать некролог. В обоих случаях он сделает то, что от него требуется: ведь он — часть машины, а машина не останавливается, даже если её винтики ломаются.

Глава 1. Тринадцать тонн на кубический сантиметр

Фрегат «Целомудрие» стоял в доке «Гамбург-7» и выглядел именно так, как должен выглядеть корабль, списанный восемь лет назад и с тех пор использовавшийся в качестве склада запчастей. Обшивка местами потускнела, местами была заварена грубыми швами, напоминавшими шрамы на коже старого боксёра, и на этих швах местами выступала ржавчина, хотя ржавчина была запрещена регламентом технического обслуживания, но регламент писался людьми, которые никогда не видели этого корабля, и которые не знали, что ржавчина на «Целомудрии» была не признаком разрушения, а признаком того, что корабль всё ещё держался, что он всё ещё сопротивлялся вакууму, радиации и времени, и что он не собирался разваливаться, по крайней мере, не сегодня.

Левый двигательный контур подвывал при запуске, словно простуженный кот, и этот подвыв был слышен даже в рубке, хотя рубка находилась в ста метрах от двигательного отсека, и Линь Вэй Ли, поднявшаяся на борт за час до официального построения, сразу поняла, что этот подвыв будет преследовать её каждую секунду, пока она находится на корабле, и что она либо привыкнет к нему, либо сойдёт с ума, и она не знала, что хуже.

Она провела этот час, молча обходя корабль и фиксируя в планшете каждое нарушение, и к сороковой минуте список занимал одиннадцать страниц, и она поняла, что проще перечислить то, что не нарушает устав, потому что нарушений было так много, что они сливались в одно огромное нарушение, которое называлось «этот корабль», и которое должно было быть списано не восемь лет назад, а восемьдесят, и которое чудом держалось в вакууме только потому, что вакуум тоже был уставшим и не хотел иметь дела с этим корытом.

Она стояла в рубке, глядя на приборную панель, половина индикаторов которой не горела, и сказала вслух, что это не корабль, это военное преступление, и она сказала это не потому, что хотела, чтобы её услышали, а потому что ей нужно было услышать собственный голос, чтобы убедиться, что она всё ещё здесь, что она всё ещё жива, что она всё ещё Линь Вэй Ли, первый помощник капитана, выпускница Военно-космической академии с золотой медалью, а не жертва розыгрыша, который кто-то сыграл над ней, потому что она не могла поверить, что её, первую в выпуске, отправили на этот корабль, если только это не было наказанием, и она знала, что это было наказанием, но она не знала, за что, потому что она не сделала ничего плохого, она только предложила сдаться, когда математика показывала, что это единственный разумный выход, и за это её отправили сюда, на это корыто, где даже воздух пах чужим потом и отчаянием.

Григорий Петров появился в дверях рубки, волоча за со-

бой ящик с инструментами, и его протез — неуклюжая конструкция из титановых тяг и сервоприводов, которую он сам собрал из запчастей списанного погрузчика, — тихо жужжал при каждом движении, и этот жужжание было таким знакомым, таким домашним, что Ли на секунду забыла о своих нарушениях и посмотрела на него с *curiosity*, потому что она никогда не видела протеза, который выглядел бы так, словно его сделали не в лаборатории, а в гараже, и который при этом работал лучше, чем любые протезы, которые она видела в каталогах ОЗЛК.

— Нормальное корыто, — возразил он, ставя ящик на пол, и его голос был таким ровным, таким флегматичным, что Ли подумала, что он, наверное, никогда не волновался, или что он волновался так давно, что разучился это показывать. — Реактор живой, каркас целый, дюзы не прогорели. Остальное — косметика. Я на Фронтире видел посудину, у которой вместо левого двигателя была приварена микроволновка. Летала, между прочим.

Ли посмотрела на него с выражением, которое на её родной планете-городе означало глубокое, почти физическое отвращение, и спросила, инженер ли он, и он ответил, что механик, но на этом корыте разницы нет, и она поняла, что он не обиделся, потому что он, наверное, не обижался ни на что, потому что он привык к тому, что его не уважают, и что он не ждал уважения, он просто делал свою работу, и делал её хорошо, и это было всё, что ему было нужно.

Артём Громов влетел в рубку, свистя что-то невнятное, и тут же нырнул под пульт связи, и Ли слышала его приглушённое бормотание о том, кто тут перепаял шину данных через изоменту, гении, просто гении, и она подумала, что этот мальчик, наверное, никогда не работал на нормальном корабле, и что он, наверное, думает, что все корабли такие, и что он, наверное, будет разочарован, когда узнает, что нормальные корабли не пахнут переработанным воздухом и чужим потом, и что на них нет изоменты на шинах данных, и что на них не нужно нырять под пульт связи, чтобы понять, почему не работает связь.

Иван Дровосеков прибыл последним, и когда он поднялся по трапу, неся в одной руке армейский термос, в другой — потёртую сумку, в которой помещалось всё его имущество, Ли посмотрела на него и поняла, что он был не таким, каким она его представляла. Она представляла его громким, агрессивным, с красным лицом и хриплым голосом, потому что в досье было написано, что он трижды привлекался за рукоприкладство, и она думала, что человек, который трижды привлекался за рукоприкладство, должен выглядеть как человек, который готов применить рукоприкладство в любую секунду. Но он был не таким. Он был тихим, уставшим, с лицом, которое не выражало ничего, кроме усталости, и с глазами, которые смотрели не на неё, а сквозь неё, словно он видел что-то, чего она не видела, и что было важнее, чем она.

Он остановился в шлюзе, провёл ладонью по перебор-

ке, прислушался к вибрации корпуса и кивнул самому себе, словно корабль прошёл негласную проверку, и Ли подумала, что он, наверное, чувствует корабль так, как другие люди чувствуют погоду, и что он, наверное, знает, что корабль живой, и что он, наверное, разговаривает с кораблём, и что это, наверное, делает его хорошим капитаном, или сумасшедшим, и она не знала, что хуже.

В рубке он оглядел экипаж — трёх человек, которых контора собрала по принципу «кого не жалко», — и сказал, что не будет читать им лекцию о долге и чести, потому что они все здесь не по своей воле, и что правила простые: не трогайте реактор без разрешения Петрова, не лезьте в его настройки навигации, и не пытайтесь заговорить с тем, что прикручено к носу, пока он не скажет.

Громов спросил из-под пульта, что прикручено к носу, и Иван ответил, что бампер, четыре тысячи тонн графена, зовут Игнат, и он не любит, когда его трогают, и он сказал это таким тоном, словно он говорил о соседе, который не любит шум, и Ли подумала, что она, наверное, неправильно услышала, и что она, наверное, спросит позже, когда они останутся наедине, и когда она сможет спросить, не повышая голоса, потому что она не хотела, чтобы её думали трусихой, но она боялась того, что было прикручено к носу, потому что она не знала, что это, и она боялась неизвестности больше, чем известности, даже если известность была плохой.

Первый контакт с Игнатом произошёл через двадцать ми-

нут, когда Иван попытался синхронизировать бортовые системы с зондом, и когда он нажал клавишу синхронизации, динамики рубки затрещали, и из них раздался голос — низкий, хриплый, с интонациями человека, которого разбудили после нескольких столетий сна и тут же попросили решить дифференциальное уравнение, и Ли почувствовала, как у неё немеет затылок, потому что голос был не в динамиках, он был в её голове, и она не знала, как это возможно, и она не знала, как это остановить, и она подумала, что она, наверное, сошла с ума, и что это, наверное, от стресса, и что она, наверное, должна сказать капитану, но она не сказала, потому что она боялась, что он подумает, что она слабая, и что её отправят обратно на планету-город, и что она не сможет вернуться в академию, и что её жизнь кончится, и она начала считать заклёпки на переборке, потому что это было единственное, что возвращало ей ощущение порядка.

Игнат произнёс, чтобы они убрали от него свои примитивные интерфейсы, что его кабели царапают его оболочку, что он чувствует каждый электрон, и что они все грязные, и Ли подумала, что она, наверное, слышит галлюцинации, потому что голос был не в динамиках, он был в её голове, и он говорил не словами, а смыслами, и она понимала эти смыслы, хотя она не знала, как она их понимает, и она подумала, что она, наверное, умирает, и что это, наверное, не так больно, как она думала.

Иван спокойно сказал, откручивая крышку термоса, что

это корабль, что Игнат на нём живёт, и что пусть привыкает, и Игнат ответил, что он жил на звёздах, пока их предки учились добывать огонь трением палок, и что этот сарай — оскорбление его истории, и Ли подумала, что она, наверное, слышит разговор между капитаном и куском металла, и что она, наверное, попала в психиатрическую больницу, и что она, наверное, должна была отказаться от этого назначения, и что она, наверное, должна была согласиться на должность бухгалтера на аграрной планете, потому что бухгалтеры не разговаривают с кусками металла, и потому что бухгалтеры не летят в сектор, где вероятность потери составляет девяносто четыре процента.

Иван сказал, что зато у сарая есть чай, сделал глоток дегтя и поморщился от горечи, и скомандовал Петрову запускать реактор, Ли проложить курс на Гамма-9, Громову вылезать из-под пульта и настраивать связь с конторой, и что они вылетают через час, и Ли подумала, что она, наверное, должна была возразить, что она, наверное, должна была сказать, что она не будет лететь, что она не будет разговаривать с куском металла, что она не будет рисковать жизнью ради корабля, который разваливается на ходу, но она не сказала, потому что она была слишком напугана, и потому что она не знала, что сказать, и потому что она, наверное, была трусихой, и она начала считать удары своего сердца, потому что это было единственное, что возвращало ей ощущение порядка.

Выход из дока прошёл без происшествий, если не считать

того, что левый двигательный контур завыл так, что у Ли заложило уши, а Игнат в течение десяти минут комментировал каждый манёвр с нескрываемым презрением, и Ли подумала, что она, наверное, сошла с ума, потому что она слышала голос, который был не в динамиках, и который комментировал манёвры так, словно он был старым профессором, которого заставили объяснять таблицу умножения, и она подумала, что она, наверное, должна была взять отпуск, и что она, наверное, должна была поехать на планету с дождём, и что она, наверное, никогда не видела дождя, и что она, наверное, умрёт, не увидев дождя, и эта мысль была такой печальной, что она на секунду забыла о страхе, и она подумала, что она, наверное, плачет, но она не плакала, потому что она не умела плакать, потому что она научилась не плакать, когда ей было семь лет, и когда её мать умерла, и когда она поняла, что слёзы не помогают, и что они только делают лицо мокрым, и что мокрые лица выглядят глупо.

Переход в гиперпространство занял четырнадцать часов, и эти часы экипаж провёл, обживая корабль, словно семья, въехавшая в квартиру, которую не выбирала, и Ли сидела в своей каюте — маленькой, с койкой, столом и иллюминатором, — и пыталась не смотреть в иллюминатор, потому что за тонким стеклом простиралась бездонная чёрная пустота гиперпространства, и от одного взгляда на неё у неё перехватывало дыхание, и она закрыла шторку, легла на койку и начала перечитывать устав ОЗЛК, находя в его сухих фор-

мулировках странное, почти материнское утешение, потому что устав был таким же сухим, как она, и таким же пустым, как она, и потому что устав не требовал от неё чувствовать, он только требовал от неё подчиняться, и она подчинялась, потому что подчиняться было легче, чем чувствовать.

Иван сидел в рубке один, пил свой деготь и думал о том, что восемь лет назад он уже летел в сектор, который все считали самоубийственным, и тогда у него был крейсер, экипаж из трёхсот человек и вера в то, что система справедлива, и он подумал, что система не была справедливой, и что она никогда не была справедливой, и что она была просто машиной, которая перемалывала людей в кредиты, и что он, наверное, был глупцом, когда верил, что система справедлива, и что он, наверное, был глупцом, когда думал, что он может изменить систему, и что он, наверное, был глупцом, когда думал, что он может спасти людей, которых система отправляла на смерть, и он подумал, что он, наверное, всегда был глупцом, и что он, наверное, всегда будет глупцом, и что он, наверное, умрёт глупцом, и эта мысль была такой печальной, что он налил себе ещё одну крышку дегтя, и выпил её, и поморщился от горечи, и подумал, что чай, который не горчит, — не чай, а компот, и что его отец, механик рыболовного траулера в Охотском море, сказал бы то же самое, если бы он был жив, и если бы он знал, что его сын пьёт чай в космосе, и что его сын, наверное, умрёт в космосе, и что его сын, наверное, не увидит море, и что его сын, наверное, пожалеет об этом,

когда будет умирать.

Он достал из нагрудного кармана нераспечатанное письмо, которое он написал Марьяне три года назад, и посмотрел на него, и подумал, что он, наверное, должен был отправить его, и что он, наверное, должен был написать ещё одно, и что он, наверное, должен был позвонить ей, и что он, наверное, должен был приехать на её выпускной, и что он, наверное, не сделал ничего из этого, и что он, наверное, был плохим отцом, и что он, наверное, был плохим человеком, и что он, наверное, не заслуживал того, чтобы его дочь любила его, и он убрал письмо обратно в карман, и подумал, что он, наверное, никогда не отправит его, потому что он боялся ответа, и потому что он боялся, что она не ответит, и потому что он боялся, что она ответит, и что её ответ будет хуже, чем молчание.

События заканчивались не боем, а решением, которое Иван принял, глядя на тактическую голограмму, на которой серая масса Квиббов медленно перемалывала обломки старого спутника, и он подумал, что он, наверное, должен идти вперёд, не потому что он храбр, а потому что отступить некуда, и потому что у него был хвост на три года, и если он сбежит, Марьяна получит письмо от ОЗЛК о том, что её отец дезертир, и он подумал, что он, наверное, не заслуживал того, чтобы его дочь гордилась им, но он, наверное, заслуживал того, чтобы его дочь не стыдилась его, и он приказал идти вперёд, и его рука непроизвольно коснулась нагрудного

кармана, где лежало нераспечатанное письмо, и он подумал, что он, наверное, должен был написать в этом письме, что он любит её, и что он, наверное, напишет это в следующем письме, если он доживёт до следующего письма, и если она захочет его прочитать.

Глава 2. Девушка, которая предложила сдаться

Ли не любила эти запахи. Ей нравился запах её каюты на станции «Франкфурт-на-Майне-2»: очиститель воздуха и синтетическое дерево. Он был предсказуемым, как цифра в балансе. Здесь же все запахи существовали отдельно друг от друга, не складываясь в общую картину — точно так же, как люди на корабле, не выбиравшие друг друга и не собиравшиеся это менять.

Сегодня запах в коридоре второго отсека казался особенно навязчивым: кофе смешивался с чем-то кислым, будто автомат не просто выдавал плохой напиток, а мстил всем, кто к нему подходил. Ли поморщилась и ускорила шаг. Ей хотелось скорее оказаться в своей каюте, где минимум чужих следов и максимум понятных вещей.

Но у самой двери её ждал сюрприз: на панели рядом с люком мигал не оранжевый, а красный индикатор. «Техническое обслуживание. Доступ ограничен». Ли остановилась, разглядывая надпись, которая выглядела слишком официально для корабля, где даже кофе выдавали через раз.

— Не стой там, — раздался голос из-за спины.

Ли обернулась. Это был Иван. В руках он держал свой неизменный армейский термос.

— Там всё равно ничего не сделаешь, — добавил он спокойно. — Панель глючит с позавчерашнего дня. Просто мигает, когда ей хочется.

— А если не просто? — спросила Ли, сама не зная, за чем. Ей вдруг захотелось, чтобы это была настоящая проблема — что-то, что можно посчитать, измерить, свести в таблицу. Что-то, где цифры скажут правду.

Иван пожал плечами:

— Тогда узнаем, когда сработает тревога. А пока... иди в каюту. Тут нечем дышать.

И Ли пошла. Но теперь она знала: корабль не даст ей притворяться, что всё можно держать под контролем. Он будет напоминать о себе мигающими панелями, сломанными автоматами и запахами, которые не складываются в сумму.

Каюта была маленькой: койка, стол, прикрученный к полу, иллюминатор с ручной шторкой — автоматика не работала, дёргать приходилось за ремешок. На стене висел голографический портрет матери. Не из сентиментальности. Просто Ли нужно было видеть что-то знакомое, чтобы чужие стены не сводили её с ума.

Каждое утро начиналось одинаково. Шесть ноль-ноль по корабельному времени. Крошечный санузел, вода тонкой струйкой — насосы на минимуме. Потом стол, планшет, файл «Дневник расходов».

Это была старая привычка. С семи лет Ли помогала матери сводить дебет с кредитом на станции. Мать говорила:

«Цифры не врут, девочка. Люди врут. Цифры — нет». И Ли верила. Даже когда мать умерла, а в семнадцать лет она осталась одна, дневник остался. Тратить было нечего, но Ли всё равно записывала: «Синтетический кофе — две кредитные единицы. Пищевой брикет — три. Замена фильтра — пятнадцать». Эти строки держали мир в порядке, как колыбельная, которую больше некому петь.

Сегодня запись вышла горьковатой: «Выход из дока — ноль единиц. Переход в гиперпространство — расход топлива, который я не могу рассчитать, потому что не знаю, сколько оно стоит на этом корыте». Ли усмехнулась. Слово «корыто» уже прижилось в её лексиконе. В академии за такое выражение её бы отчислили.

Она закрыла планшет, оделась — форма была выглажена, потому что она не могла позволить себе выглядеть неряшливо, даже если вокруг были только три человека и кусок графена на носу, — и вышла в коридор.

Гул двигателей был везде. Он был не звуком, а состоянием — как влажность в воздухе, как давление в скафандре. Этот гул проникал в кости, в зубы, в мысли, и Ли понимала, что она либо привыкнет к нему, либо он станет частью её, как привыкают к шуму поезда люди, которые живут рядом с железной дорогой, и перестают его слышать, но продолжают жить, потому что поезд не останавливается.

Она пошла в рубку. Петров уже был там — он сидел перед панелью инженерных систем и что-то бормотал себе под

нос, поворачивая свой крюк так, словно это была живая рука, и Ли подумала, что он, наверное, разговаривает с кораблём, как разговаривают с лошадью люди, которые всю жизнь работали с лошадьми, и что корабль, наверное, понимает его лучше, чем люди.

Громов спал на полу под пультом связи, свернувшись калачиком, и Ли подумала, что он, наверное, ещё слишком молод, чтобы понимать, что на корабле не спят на полу, потому что на полу холодно, и потому что это не по уставу, но она не стала его будить, потому что он, наверное, устал, и потому что она сама, когда была такой же молодой, спала на полу в академии, потому что в каюте было слишком тихо, и тишина пугала её больше, чем шум.

Ивана не было. Он, наверное, был в рубке один, пил свой деготь и смотрел на тактическую голограмму, и Ли подумала, что она, наверное, должна пойти к нему и спросить, что он думает о текущей ситуации, но она не пошла, потому что она не знала, как начать разговор с человеком, который смотрит сквозь неё, и потому что она, наверное, была трусихой, и она пошла в свою каюту и села за стол, и открыла дневник расходов, и начала записывать несуществующие траты, потому что это было единственное, что возвращало ей ощущение порядка.

Воспоминание пришло не по вызову, а само, как приходят все воспоминания, которые хотят быть вспомненными.

Это было два года назад, в последний день экзаменов в Военно-космической академии ОЗЛК. Зал был большим, с высокими потолками и голографическими гербами Консорциума на стенах, и в этом зале сидели тридцать два выпускника, и каждый из них знал, что этот экзамен — последний барьер между ним и карьерой, и что тот, кто не пройдёт этот барьер, будет отправлен на самую дешёвую станцию, где он будет считать контейнеры до конца жизни.

Ли сидела в первом ряду, потому что она всегда сидела в первом ряду, и потому что она была первой в выпуске, и потому что первая в выпуске имеет право сидеть в первом ряду, и это право она заработала четырьмя годами бессонных ночей, четырьмя годами цифр, которые не вращались, и четырьмя годами уверенности в том, что она знает всё, что нужно знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.